

ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2007–2008 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

Ф.З. Хацап
(Россия, г. Майкоп)

Ключевые слова: электорат, электоральное поведение, электоральные ориентации, электоральная активность, выборы.

Key words: electorate, electoral behaviour, electoral orientations, electoral activity, elections.

Электоральное поведение в регионах России является важным показателем степени консолидации демократии, усвоения индивидами и социальными группами политической культуры гражданского типа (civic culture). Актуальность темы состоит также в выявлении тенденций электорального поведения на протяжении постсоветского периода, а также в межрегиональных сравнениях тенденций электорального поведения. Злободневность кросс-темпорального сравнения особенно велика потому, что за 1990–2000 гг. мотивации, политические установки и ориентации электората в регионах России динамично менялись. Полагаем, что на материалах республик Северного Кавказа, в том числе Республики Адыгея, проблематика статьи не была объектом специального исследования.

Обзор степени научной разработанности темы показывает, что наибольшее внимание политологи уделяют общероссийским закономерностям голосований на федеральных выборах. Динамика электорального поведения на выборах Президента Российской Федерации и Государственной Думы Российской Федерации системно анализируется в работах В.Я. Гельмана [7, с. 1], Ю.Д. Шевченко [29, с. 1], Г.В. Голосова и Е.Ю. Мелешкиной [8, с. 1], В.А. Колосова и Р.Ф. Туровского [14, с. 1], Н.В. Петрова и А.С. Титкова [22, с. 1]. По мере накопления и интерпретации эмпирического материала политологи перешли от писания отдельных избирательных кампаний к выявлению факторов голосования, к сравнению видов избирательных кампаний и электоральных циклов. Так, корреляционный и факторный анализ голосований с их последующим картографированием проведен А.Е. Любаревым и А.С. Ахременко [18, с. 2]. Зависимость итогов выборов от политической культуры региональных сообществ, в том числе от традиций патернализма и конформизма, установлена В.Б. Звоновским, Д.Б. Орешкиным [10, с. 2]. Социально-демографические факторы поведения избирателей (поселенческая сеть, гендерный и стратификационный, возрастной состав и проч.) интерпретированы В.А. Ваньковым, А.Ю. Бузиным [4, с. 2]. Политические эффекты реформ избирательной системы для региональных выборов определены О.В. Поповой [25, с. 2], А.В. Кыневым и А.Ю. Глубоцким [16, с. 2].

На материалах Республик Северного Кавказа, в том числе Адыгеи, проблематика электорального поведения изучена фрагментарно и явно недостаточно. Внимание кавказоведов до сих пор сосредоточено на иных аспектах регионального политического процесса: этнополитике, конфликтах, предотвращении религиозного и этнического экстремизма, геополитических процессах. Краткий анализ электорального поведения в контексте общих обзоров политического развития Адыгеи дали Т.М. Полякова [24, с. 2], А.М. Шхачева [31, с. 2]. Ряд важнейших сборников документов о выборах в Адыгее опубликованы под редакцией Ю.А. Хута [5, с. 2].

Полагаем, что определение тенденций электорального поведения в Адыгее (2007–2008 гг.) актуально также в теоретическом аспекте. Данный субъект федерации характерен для большой группы регионов, полиэтнических и поликонфессиональных. Он по составу населения имеет сниженный уровень урбанизации, относится к числу экономически депрессивных. Адыгея расположена в приграничном поясе геополитических рисков на Северном Кавказе. Поэтому выскажем гипотезу, что тенден-

ции электорального поведения в Адыгее позволяют выявить параметры политического процесса в ряде полиэтнических регионов России, определить влияние социальных и политикокультурных факторов на итоги выборов.

На основании анализа степени изученности проблемы можно сформулировать цель нашей статьи – определить тенденции электорального поведения на федеральных выборах 2007–2008 гг. в Республике Адыгея.

Для того, чтобы реализовать цель работы, потребуется решить ряд взаимосвязанных задач:

- установить влияние экономических, социальных, политико-культурных факторов на электоральное поведение жителей Адыгеи постсоветского периода;
- выявить эволюцию электорального поведения в сравнении 1993–2004 и 2007–2008 гг. (различных электоральных циклов) в регионе;
- сравнить преобладающие типы электоральных ориентаций и установок поведения в постсоветский период, выявить их особенности в новейшем цикле 2007–2008 гг.;
- определить локальную специфику голосований на уровне городов и сельских районов Адыгеи в 2007–2008 гг.

Методологическую основу статьи составляет социокультурный подход к электоральному поведению. На наш взгляд, он наиболее эффективен в анализе сообществ, проявляющих ориентаций традиционализма и подданнической политической культуры (по Г. Алмонду и С. Вербе) [1, с. 3]. Особое внимание уделено проверке гипотезы о социокультурных размежеваниях в многосоставных обществах (по С. Липсету и С. Роккану) [17, с. 3]. Учитывается многофакторный тип электорального поведения на основе модели «воронки причинности» (А. Кемпбелл) [32, с. 3].

Эмпирическую базу исследования составляют такие виды источников, как:

- законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- официальные статистические итоги выборов, установленные Центральной избирательной комиссией Республики Адыгея;
- публичные выступления политических деятелей (руководителей органов государственной власти, партийных лидеров, активистов общественных организаций);
- материалы общероссийских, макрорегиональных и местных средств массовой информации.

Республика Адыгея – один из 13 субъектов Российской Федерации в пределах Южного федерального округа, занимающий площадь 7,8 тыс. км². Пространство республики со всех сторон граничит с Краснодарским краем, имея общую транспортную, энергетическую, экономическую инфраструктуру, общие сети повседневного общения. Вследствие этого поведение избирателей Адыгеи демонстрирует эффекты диффузии политических нововведений и центр – периферийные взаимозависимости [9, с. 3]. Внутри региона явно доминирует в роли центра культуры и экономики г. Майкоп, где сосредоточено 40 % населения республики.

Население Адыгеи, согласно переписи 2002 г., составляет 447,1 тыс. человек [13, с. 3] и имеет отрицательную динамику прироста в 2000-х гг. Воспроизводство населения во многом идет благодаря миграционному притоку. С учетом гористого рельефа большей части территории республику следует признать густозаселенной. Уровень урбанизации в Адыгее сравнительно низок по российским меркам – 53,9 %. Тенденции резкого роста городского населения не прослеживаются.

Республика Адыгея имеет традиционно полиэтническую структуру населения, в основных чертах определившуюся с 1936 по 1957 гг. при проведении административных границ региона. Адыгейцы составляют, согласно переписи 2002 г., 108,1 тыс. человек (24,2 % населения республики). Среди многочисленных народов также русские – 288,3 тыс. человек (64,5 %), армяне – 15,3 тыс. человек (3,4 %), украинцы – 9,1 тыс. человек (2,0 %), курды – 3,6 тыс. человек (0,8 %) [13, с. 4]. Адыгейское население преобладает на севере республики, в сельских районах вдоль рек Кубань и Лаба. Русское и украинское население сосредоточено на юге региона – в г. Майкопе, Майкопском и Гиагинском сельском районах. Вместе с тем, все муниципальные об-

разования Адыгеи имеют полиэтничный и поликонфессиональный состав населения. Различия в предпочтениях избирателей на выборах в большей мере определяются уровнем урбанизации и социально-экономическим уровнем развития местных сообществ, а не этничностью их жителей.

Среди долгосрочных факторов электорального поведения, кроме геополитического и демографического, следует назвать политико-институциональный. Республика Адыгея имеет смешанную форму правления. Согласно пункту 1 статьи 2 Конституции Адыгеи, вся власть в республике принадлежит ее многонациональному народу. Он признан единственным источником государственной власти и носителем суверенитета [15, с. 4]. Определенные противоречия между Конституцией Российской Федерации и региональным законодательством (обязательное знание двух государственных языков госслужащими Адыгеи, паритетный этнический состав законодательного органа власти) были устранены определениями Конституционного Суда Российской Федерации в 2000–2001 гг. и последующими поправками в Конституцию Адыгеи.

Современный вариант структуры органов государственной власти Республики Адыгея определился в 2001 г., когда состоялся переход от двухпалатного к однопалатному строению Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея. Соблюдается разделение властей между Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея, Кабинетом Министров и судами Республики Адыгея. С 2007 г. Президентом Республики Адыгея является А. Тхакушинов, активно проводящий курс сотрудничества ветвей и органов власти, поддерживающий политическую стратегию федеральных органов власти.

Таким образом, электоральный цикл 2007–2008 гг. своеобразен тем, что федеральные парламентские и президентские выборы в Республике Адыгея проходили в обстановке ослабления институциональных конфликтов, поддержки основными политическими субъектами курса Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и партии «Единая Россия».

Сравним тенденции электорального поведения жителей Адыгеи в 1993–2004 и 2007–2009 гг. Для первого из сравниваемых периодов было характерно протестное голосование, а также определенное влияние региональных блоков и партий (имевших право электорального участия до лета 2003 г). Адыгея принадлежала к «красному поясу» страны, проявляя общие черты голосования с другими агропромышленными и периферийными регионами. Следует учитывать ряд экономических и социальных параметров развития республики.

Так, удельный вес населения старше трудоспособного в 2003 г. составлял в Адыгее 22,5 % и был на «печальном» третьем месте из 13 регионов Юга России [12, с. 5] (более пожилое население только в Краснодарском крае и Волгоградской области). Удельный вес безработных (по методике Международной организации труда) в 2002 г. составлял в Адыгее 13,5 %, тогда как в Краснодарском крае – 7,6 %, в Ставропольском крае – 9,6 % экономически активного населения [12, с. 5]. Таков же дисбаланс уровня безработицы по методике государственных служб занятости. Бюджет Республики Адыгея остается дотационным на 45 %, тогда как бюджет соседнего Краснодарского края – на 4 % [26, с. 5]. Регион отстает также по привлечению инвестиций в основной капитал, параметрам инновационной активности, развитию информатизации. Вследствие данных факторов в 1990-х гг. наблюдался консерватизм электорального поведения, сопротивление проводимым реформам.

Например, на учредительных выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации (1993 г.) по партийным спискам жители Адыгеи поддержали в основном Коммунистическую партию (далее – КПРФ) на уровне 26,4 % голосов. Протестной была поддержка Либерально-демократической партии России (ЛДПР – 16,6 %. Напротив, партии и объединения реформистского профиля («Выбор России», «Яблоко», «Демократическая партия России», «Российское движение демократических реформ») в общей сумме набрали 19,3 % явившихся [23, с. 5]. Полиэтничность

Адыгеи проявилась в достаточно высокой поддержке федералистских сил – Партии российского единства и согласия (9,1 %).

Тенденции протестного голосования усугубились на парламентских выборах 1995 г. в обстановке глубокого социально-экономического кризиса, непопулярности политики РФ в чеченском этнополитическом конфликте. Избиратели Адыгеи отдали 41,4 % голосов КПРФ и 5,7 % блоку «Коммунисты – СССР». Национал-унитаристский тренд представлен поддержкой ЛДПР (9,6 %), Конгресса русских общин (4,1 %) и блока «Держава» (2,0 %). Значительно снизился рейтинг праволиберальных сил: «Наш дом – Россия» получил 4,1 % голосов, «Яблоко» – 4,5 %. Таким образом, в 1990-х гг. сформировался устойчивый разрыв между электоральными ориентациями жителей Адыгеи и курсом органов власти по либеральному реформированию общества. На уровне региональных и муниципальных выборов отчетливо проявилась сегментация избирательной системы, преобладали этнополитические объединения [28, с. 5]. Но данный аспект темы выходит за пределы анализа в нашей статье и будет изучен специально.

Протестный характер голосования в полной мере проявился также на федеральных президентских выборах 1996 г. в первом туре голосования кандидат КПРФ Г.А. Зюганов получил 51,5 % голосов, а действующий Президент страны Б.Н. Ельцин – 20,0 %. Национал-унитаристские кандидаты в совокупности сравнялись с либералом Ельциным по влиянию: А.И. Лебедь получил 14,0 %, В.В. Жириновский – 5,1 %. Либеральная альтернатива Г.А. Явлинского и С. Федорова осталась маргинальной (5,3 и 1,0 % голосов, соответственно). Во втором туре президентских выборов 1996 г. Зюганов даже нарастил преобладание над Ельциным в Адыгее (60,5 против 34,5 %) [23, с. 6]. Причем уровень абсентеизма и голосования против всех оставался в сравнимых кампаниях постоянным.

Коренные изменения электоральных ориентаций прослеживаются в Адыгее, начиная с цикла выборов 1999–2000 гг. Они выразились в смене основных размежеваний электората. Вместо идеологического противостояния «коммунисты – либералы» носившего системный характер, на первый план выходит прагматическая конкуренция «государственники-либералы». На материалах общероссийской выборки доказано, что электорат В.В. Путина и центристских партий (с 2002 г. – партии «Единая Россия») во многом агрегировал бывших приверженцев ЛДПР, А.И. Лебеда, НДР и даже КПРФ [11, с. 6]. Этим доказывается высокая восприимчивость избирателей к рекламному и идеологическому воздействию, прагматизм их ориентаций.

На уровне региональных факторов электорального поведения следует отметить смену политических элит в начале 2002 г. (избрание президентом Адыгеи Х.М. Совмена), рост влияния регионального отделения партии «Единая Россия», снижение радикализма этнополитических дискуссий в обществе.

Нормативными факторами изменений электоральных ориентаций являются:

- принятие Федерального закона «О политических партиях», в полном объеме вступившего в силу с июля 2003 г. Данный закон запретил участие в федеральных выборах этнических, конфессиональных, региональных партий и объединений;
- отмену графы «против всех» на общероссийских выборах с 2007 г.;
- повышение заградительного барьера на парламентских выборах с 5 до 7 %;
- переход от смешанной к пропорциональной системе выборов Государственной Думы Российской Федерации;
- перераспределение границ избирательных округов.

В итоге воздействия комплекса факторов электорального поведения жителей Адыгеи в 2007–2008 гг. приблизилось к общероссийскому варианту лояльного либерального консерватизма. На выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации 2 декабря 2007 г. явка избирателей выросла с 54,8 до 60,9 %. Наибольшая активность граждан отмечена в сельских районах, наименьшая – в г. Майкопе, Майкопском и Тахтамукайском районах: Шовгеновском (95 %) и Теучежском (93 %) [6, с. 7].

Партия «Единая Россия» получила абсолютное преобладание. Она увеличила свою поддержку за 2003–2007 гг. с 49,6 до 71 %. Сохраняется роль КПРФ как основ-

ной оппозиционной партии при некотором спаде влияния: с 14,8 до 12,2 %. Новой является тенденция проигрыша партий националистической и социал-демократической оппозиции. Влияние ЛДПР сократилось с 9,0 до 5,9 %, а «Справедливой России» (как приемника «Родины», Российской партии пенсионеров, Российской партии жизни) – с 10,6 до 5,2 %. Рейтинг либеральных партий – «Союза правых сил» и Российской демократической партии «Яблоко» в совокупности убыл с 2,9 до 1,0 % явившихся на участки [6, с. 7].

Таким образом, голосование на парламентских выборах 2007 г. в Адыгее подтверждает гипотезу об определенном «усреднении» ориентаций региональных сообществ, о росте парламентского центристского голосования. 91,8 % избирателей в Адыгее поддержали партии, преодолевшие 7 % заградительный барьер, что свидетельствует о зрелости мотивов голосования.

Выборы Президента Российской Федерации 2 марта 2008 г. закрепили отмеченные тенденции. Вместе с тем президентские выборы отличаются от думских по мотивациям электората и «вестки дня». Они традиционно считаются в обществе с партерналистскими ориентациями главным политическим событием, определяющим «судьбу страны и людей» на долгосрочную перспективу.

При повышенной явке избирателей (65,0 % по Адыгее) подтверждается низкая активность горожан Майкопа (54,7 %) и жителей Майкопского сельского района (55,2 %), повышенная активность сельских избирателей [20, с. 7].

Поддержка победителя, Д.А. Медведева в Адыгее близка к среднероссийской (69,8 %). При этом снижен его рейтинг влияния, опять-таки, в г. Майкопе и Майкопском сельском районе (59–61 %). Дисперсия поддержки составила 31 % (от 59 в Майкопе до 90,3 % в Кошехабльском районе).

Основным оппозиционным лидером в сознании избирателей Адыгеи считается Г.А. Зюганов (21,5 % по республике). Основной «плюс» его поддержки – г. Майкоп и Майкопский район, Гиагинский и Тахтамукайский районы (23–27 %). Национал-унитаристский кандидат В.В. Жириновский по Адыгее набрал 6,95 %. Его поддержка также сосредоточена в г. Майкопе и Майкопском районе (10–11,9 %), Гиагинском районе (8,6 %). Бросается в глаза почти нулевая поддержка Жириновского в сельских районах с преобладанием адыгейской этничности (Адыгейская, Кошехабльская, Теучежская, Шовгеновская избиркомы).

Таким образом, на президентских выборах 2008 г. Д.А. Медведев воспринимался массовым сознанием как общегосударственный лидер центристской, реформаторской ориентации. Зюганов и Жириновский имеют повышенную популярность в урбанизированных местностях с преобладанием русских жителей. Это демонстрирует потенциал политического протеста, сохраняющуюся межрайонную фрагментацию электорального пространства Адыгеи.

Подведем итоги исследования.

Анализ тенденций голосований в Адыгее на всероссийских выборах доказывает, что ни один из факторов, взятый в отдельности, не предопределяет исхода кампаний. Электоральное поведение в регионе более эффективно интерпретируется на основе теории социокультурных размежеваний, сформировавшихся в итоге долгосрочных политических процессов.

Адыгея, как и другие республики Северного Кавказа, является агропромышленным регионом, периферийным в системе коммуникационных сетей, маловосприимчивым к политическим инновациям. Республика имеет социальную структуру, в которой повышен удельный вес пожилых людей, безработных, мигрантов. Вместе с тем Адыгея занимает переходное положение между краями и областями, а также республиками Юга страны. Дотационность бюджета Адыгеи на порядок ниже, чем в иных республиках. В структуре населения преобладают русские, вследствие анклавного расположения республика восприимчива к импульсам влияния соседнего Краснодарского края. Политическая культура Адыгеи относится к патриархальному типу. Для нее характерно преобладание неформальных социальных сетей и практик, норм общественной жизни. Сохраняются устойчивые традиции межэтнического и межкон-

фессионального согласия. Конфликты носят латентный и локальный характер, в отличие от республик Северо-Восточного Кавказа.

Данное сочетание экономических, социальных, социокультурных факторов вызывает преобладание социально-групповых (социотропных) и ретроспективных установок голосования, повышает риск управляемости электорального поведения, особенно в сельских отдаленных местностях.

Анализ статистических данных подтверждает, что в постсоветский период шла динамичная эволюция электорального поведения в Адыгее. На стадии формирования основных политических ориентаций (в 1990-х гг.) преобладал протестный тип голосования, что выражалось в повышенной поддержке КПРФ, ЛДПР, национал-консервативных лидеров. По мере стабилизации российского общества в 2000-х гг. преобладание получает центристский тип голосования (поддержка «Единства», «Единой России», В.В. Путина, Д.А. Медведева). Вместе с тем в Адыгее сохраняется повышенная от среднероссийского уровня поддержка КПРФ и ЛДПР, особенно в местностях с преобладанием электората, городах.

Абсентеизм не имеет в Адыгее ярко выраженной региональной специфики, как и голосование «против всех», возможное до 2006 г. Прослеживается повышенный уровень этих феноменов в г. Майкопе и сельских районах, имеющих более развитую транспортную и информационную инфраструктуру. Тем самым подтверждается взаимосвязь абсентеизма и голосования «против всех» с модернизацией сообщества.

Электоральное поведение в Республике Адыгея, судя по официальной статистике федеральных выборов, носит скорее экспрессивный и социально-обусловленный, чем рационально-ситуативный характер. Изменение типологии электоральных мотиваций будет происходить по мере интеграции политических культур регионов России, модернизации их электорального пространства.

Библиографический список

1. *Алмонд, Г.* Гражданская культура: Политические установки и демократии пяти наций / Г. Алмонд, С. Верба // Антология мировой политической мысли. – М. : Мысль, 1997. – С. 593–595.
2. *Ахремко, А. С.* Пространственное моделирование электорального выбора: развитие, современные проблемы и перспективы / А. С. Ахремко // Полис. – 2007. – № 1. – С. 153–167.
3. *Бузин, А. Ю.* Влияние социально-экономического развития регионов России на итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва / А. Ю. Бузин // Полис. – 1996. – № 1. – С. 103–118.
4. *Ваньков, В. А.* Поселенческая структура в электоральном поведении: по материалам парламентских выборов в России / В. А. Ваньков // Полис. – 2003. – № 6. – С. 88–103.
5. *Выборы* депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва 2 декабря 2007 года: итоги голосования и результаты выборов на территории Республики Адыгея / под ред. Ю. А. Хута. – Майкоп : ЦИК РА, 2007.
6. *Выборы* депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации // Советская Адыгея. – Майкоп, 2007. – 4 дек. – С. 5–7.
7. *Гельман, В. Я.* Изучение выборов в России: Исследовательские направления и методы анализа / В. Я. Гельман // Политическая наука. – 2000. – № 2. – С. 16–50.
8. *Голосов, Г. В.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов / Г. В. Голосов // Полис. – 1997. – № 4. – С. 44–56.
9. *Журавлев, А. Н.* Диффузия политических нововведений как пространственный процесс : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / А. Н. Журавлев. – Спб., 1993. – С. 11–23.
10. *Звоновский, В. Б.* «Электоральный транзит»: к двум странам в границах одной? / В. Б. Звоновский // Полис. – 2004. – № 3. – С. 33–43.
11. *Иванченко, А. В.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев. – М. : Весь мир, 2007. – С. 145–167.
12. *Игнатов, В. Г.* Южная Россия и ее регионы / В. Г. Игнатов, В. И. Бутов. – Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2006.

13. *Итоги* Всероссийской переписи населения 12 октября 2002 г. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. *Колосов, В. А.* Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция / В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский // *Полис*. – 1996. – № 4. – С. 34–46.
15. *Конституция* Республики Адыгея. – Майкоп : Изд-во ООО «Качество», 2002. – С. 3–4.
16. *Кынев, А. В.* Опыт смешанных выборов в российских регионах / А. В. Кынев, А. Ю. Глубоцкий // *Полис*. – 2003. – № 2. – С. 124–142.
17. *Липсет, С.* Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей / С. Липсет, С. Роккан // *Политическая наука*. – 2004. – № 4. – С. 204–234.
18. *Любарев, А. Е.* Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 г. / А. Е. Любарев // *Полис*. – 1996. – № 2. – С. 123.
19. *Орешкин, Д. Б.* География электоральной культуры и цельность России / Д. Б. Орешкин // *Полис*. – 2001. – № 1. – С. 73–93.
20. *Официальный сайт* Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – Режим доступа www.cikrf.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
21. *Первый* электоральный цикл в России (1993–1996 гг.) / под ред. В. Я. Гельмана, Г. В. Голосова, Е. Ю. Мелешкиной. – М. : Весь мир, 2000.
22. *Петров, Н. В.* Электоральный ландшафт / Н. В. Петров, А. С. Титков // *Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы*. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 214–255.
23. *Политический альманах* России : в 2 т. – М. : Гендальф, 1997. – Т. 1.
24. *Полякова, Т. М.* Республика Адыгея. Этноэтатизм и этнократия на Юге России, 2006 г. / Т. М. Полякова. – Режим доступа: <http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebbtomePutReferis>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
25. *Попова, О. В.* Политические последствия изменения российского электорального законодательства в 2000-х гг. / О. В. Попова // *Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы*. – М. : РАПН ; РОССПЭН, 2007. – С. 250–253.
26. *Российская газета*. – 2006. – 24 марта. – С. 10–11.
27. *Смирнов, А. Н.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции / А. Н. Смирнов. – М. : Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2001. – С. 51–77.
28. *Туровский, Р. Ф.* Политическая регионалистика / Р. Ф. Туровский. – М. : Высшая школа экономики, 2006.
29. *Шевченко, Ю. Д.* Поведение избирателей в России: Основные подходы / Ю. Д. Шевченко // *Политическая наука*. – 2000. – № 2. – С. 111–136.
30. *Шилз, Э.* Общество и общества: макросоциологический подход / Э. Шилз // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. – М. : Прогресс, 1972. – С. 341–359.
31. *Шхачева, А. М.* Выборы Президента Республики Адыгея в условиях полиэтничности / А. М. Шхачева // *Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России: рабочие материалы Московского Центра Карнеги*. – Ростов н/Д. : Московский центр Карнеги, 2002. – С. 68–75.
32. *Campbell, A.* The American Voter / A. Campbell, Ph. E. Converse, W. E. Miller, D. E. Stokes. – Chicago, London : Chicago UNV press, 1980.